

Птенцы гнезда Кольцова¹

К.Г. МИХАЙЛОВ

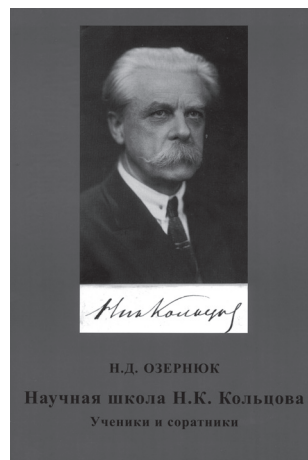
Московский государственный университет, Москва, Россия;
mikhailov2000@gmail.com

Николай Константинович Кольцов (1872–1940) — одна из очень мощных фигур в отечественной биологии. Его имя можно поставить в один ряд с именами Николая Ивановича Вавилова и Ивана Петровича Павлова. Период работы всех этих ученых удачно совпал со временем расцвета российской-советской биологии в первой трети XX в.

В 1940–50-е гг. имя Н.К. Кольцова упоминалось в историко-биологической литературе нечасто, возможно из-за жёсткой критики евгенического направления, которое развивал Кольцов в 1920-е гг. и репрессий, которым подверглись его ученики на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Однако, начиная с 1960-х гг., творчеству Н.К. Кольцова и его учеников посвящено множество работ. Одной из первых была книга журналиста В.М. Польшина², ряд книг вышел в научно-биографической серии Академии наук и отдельными монографиями. Осенью 2012 г., в рамках очередного юбилея (140-летия со дня рождения) Н.К. Кольцову были посвящены октябрьский выпуск журнала «Природа»³, книга Е.В. Раменского⁴, рецензируемая монография и несколько небольших публикаций⁵.

Несколько слов об авторе книги. Николай Дмитриевич Озернюк — директор Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, прямого наследника кольцовского Института экспериментальной биологии. Кому как не ему знать «кольцовскую» науку изнутри и во всех деталях. Практически впервые под одной обложкой собраны интереснейшие научные и биографические сведения.

Книга Н.Д. Озернюка представляет собой цикл из 59 биографических очерков, начиная с самого Н.К. Кольцова, его ближайших соратников и заканчивая многочисленными учениками. Жизнь и творчество этой замечательной плеяды учёных охватывает практически весь двадцатый век (годы рождения учёных от 1872 до 1912), хотя наиболее интенсивно они работали в первые две трети столетия. Краткие биографические справки ещё по 47 сотрудникам Кольцовского института даны в конце книги. Все очерки выстроены по единой схеме. В начале дан портрет учёного и кратко охарактеризованы

¹ Рец на кн.: *Озернюк Н.Д.* Научная школа Н.К. Кольцова. Ученики и соратники. М.: Тов-во науч. изд. КМК. 2012. 357 с.

² *Польшин В.М.* Пророк в своём Отечестве. М.: Советская Россия, 1969. 214 с.

³ См., к примеру: Устремлённый в будущее // *Природа*. 2012. Вып. 10. С. 4–13; *Голубовский М.Д.* Становление генетики человека // *Природа*. 2012. Вып. 10. С. 53–63.

⁴ *Раменский Е.В.* Николай Кольцов. Биолог, обогнавший время. М.: Наука, 2012. 385 с.

⁵ См. например: *Помелова М.А.* Н.К. Кольцов и исследования по экспериментальной эмбриологии (к 140-летию со дня рождения) // *Онтогенез*. 2012. Т. 43. Вып. 6. С. 401–404.

его основные заслуги, затем идёт собственно биографический очерк, а в конце — что очень важно — приведён список учеников, другими словами — «внучатых» учеников самого Н.К., многие из которых активно работают и поныне.

Сам Н.К. Кольцов был не только превосходным учёным и педагогом (до 1911 г. и в послереволюционные годы вплоть до «великого перелома» в науке и университетской работе в 1930 г. он преподавал в Московском университете), но и организатором науки. В тяжелейшее для страны время, в 1917 г. ему удалось основать Институт экспериментальной биологии, который вскоре перешёл в ведение Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, а позднее, в конце 1930-х гг., — в систему Академии наук СССР. Уже в 1920-е гг. в Институте работали отделы цитологии, генетики, механики (физиологии) развития, физико-химической биологии, гидробиологии, культуры тканей, экспериментальной хирургии, зоопсихологии и евгеники, т. е. решению проблем экспериментальной биологии был обеспечен комплексный подход.

Н.К. Кольцов как мог помогал своим ученикам и формально, в продвижении научной карьеры, и неформально. Так, говорят, что в 1937 г. он передал Н.В. Тимофееву-Ресовскому в Берлин совет подождать с возвращением в Россию, как того требовало от Н.В. советское посольство. Очевидно, в том году Н.В. ждали в Советском Союзе только печально известные «десять лет без права переписки», т. е. расстрел. При этом Н.К. был достаточно принципиален в чисто научных вопросах. Несмотря на жесточайшую критику евгенических воззрений, он заявил комиссии Президиума АН СССР, которая проверяла деятельность его института: «Если вы думаете требовать от меня какого-нибудь отречения, то отречься я не буду» (с. 20). В 1935 г. из Кольцовского института вынужден был уйти П.И. Живаго — из-за расхождений с Н.К. в отношении кариотипа животных. Результаты П.И. показывали, что видовой кариотип соматических клеток животных изменчив, что противоречило установившимся тогда генетическим представлениям...

Основные области знания, которые изучали кольцовцы — это экспериментальная биология и выросшие из неё науки, такие как генетика, эндокринология, механика развития, а также соседние разделы биологии — эмбриология, гидробиология и другие. Пожалуй, наибольшее число соратников и учеников Н.К. занимались в первую очередь именно генетикой и смежными проблемами эволюционной теории. Это и достигшие в конце концов академических чинов Н.П. Дубинин, Б.Л. Астуров, П.Ф. Рокицкий и С.М. Гершензон, и С.С. Четвериков, первоначально энтомолог, и выдающийся мыслитель Н.В. Тимофеев-Ресовский, и простые труженики науки...

Многим учёным, биографии которых приведены в рецензируемой книге, посвящена большая литература. Но многие факты приведены впервые или же выужены из малоизвестных источников. Не у всех «птенцов Кольцова» жизнь удалась. Трагическая биография Н.В. Тимофеева-Ресовского хорошо известна. А вот менее известные персоны. С.Р. Царапкин после войны был арестован и посажен как «невозвращенец», затем спасён из лагеря при содействии Н.В. Тимофеева-Ресовского, но от участия в полевых опытах по радиобиологии отказался, в результате в 1952 г. его выслали в г. Кустанай; конец жизни провёл в Рязани, где и скончался в 1960 г. Д.Д. Ромашов после сессии ВАСХНИЛ был уволен с работы и оставался безработным до 1953 г.; его дважды арестовывали, это случалось во время обострения его нервного заболевания. Е.И. Балкашина в 1935 г. сослана на три года в Казахстан, где позднее стала заведовать противомалырийной станцией; к прежней тематике работ более не возвращалась. А.Н. Промптов после сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. покончил с собой. Н.К. Беляев арестован и погиб в 1937 г. Л.В. Ферри в 1933 г. арестован по делу скаутов и сослан в Западную Сибирь,

затем преподавал в Томском университете; в 1944 г. покончил жизнь самоубийством. Б.Н. Васин после сессии ВАСХНИЛ остался безработным, уехал на Сахалин, где заведовал отделом зоологии и зоотехнии Сахалинского филиала АН СССР.

Есть и примеры буквально героического поведения. З.С. Никоро, ученице С.С. Четверикова, в 1935 г. была предложено руководить кафедрой генетики Горьковского университета, но она уступила кафедру самому Четверикову, убедив его занять это место. Л.В. Крушинский в тяжёлые военные годы принял самое активное участие в судьбе Т.А. Детлаф, пытаясь спасти её ребёнка.

Как ни странно, среди учеников Н.К. Кольцова почти не оказалось учёных-эмигрантов. Многие в 1920–30-е гг. ездили за рубеж, даже задержались там, как Н.В. Тимофеев-Ресовский и С.Р. Царапкин; но по-настоящему, еще во время Гражданской войны, эмигрировал только Б.С. Эфрусси, который в дальнейшем плодотворно работал во Франции.

Трудно найти биолога масштаба Н.К. Кольцова, оставившего после себя такой сплочённый и яркий коллектив учеников и последователей. Многие направления советской биологии оставались «под присмотром» кольцовцев вплоть до 1960-х гг. и даже позднее. Пожалуй, самый большой вклад «кольцовские птенцы» внесли в развитие генетики, за что и пострадали по результатам печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Как известно, позиции генетики были восстановлены лишь после низвержения «великого мичуринца» Т.Д. Лысенко в 1964–1965 гг. Между кольцовцами возникали и конфликты, как это было с несколькими генетиками, выступившими в конце 1960-х гг. против неправильного, по их мнению, руководства Институтом общей генетики со стороны «ведущего генетика» Н.П. Дубинина.

Одно из достоинств книги — тщательная выверенность и продуманность формулировок. Так, если С.С. Четвериков — «крупнейший отечественный генетик, энтомолог и эволюционист», Д.П. Филатов — «крупнейший эмбриолог», А.С. Серебровский — «крупный отечественный генетик», то М.М. Завадовский — «известный экспериментальный биолог, эмбриолог и эндокринолог», Г.И. Роскин — «известный отечественный цитолог, цитохимик и протозоолог», а С.Р. Царапкин и вовсе «известен своими работами по генетической структуре природных популяций дрозофилы». Все ранги расставлены.

Текст книги тщательно вычитан, было проведено несколько корректур. К сожалению, не все предоставленные фотографии хорошего качества, но поработать в архивах и разыскать дополнительные иллюстрации автору — при его колоссальной административной нагрузке — не удалось.

Из недостатков книги надо отметить не самое удачное группирование фотографий в конце книги: первоначально предполагалась особая вклейка на мелованной бумаге; фотографии на этой бумаге пропечатываются лучше, чем на офсетной. Но в результате было принято решение всю книгу печатать на мелованной бумаге, и фотографии можно было бы разнести по всему тексту.

На мой взгляд, количество юбилеев и юбилейных мероприятий в нашей науке несколько чрезмерно; но, несмотря на «юбилейность», рецензируемая книга важна, интересна, при этом очень аккуратна и написана живым языком. Такое сочетание положительных качеств встречается в историко-биологической литературе нечасто.